

ПУБЛИКАЦИЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОРЕНБУРГСКОГО ФИЛОЛОГА, ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
И ТОПОНИМИКИ КРАЯ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА МОИСЕЕВА

УДК 811.161.1

В. П. Киржаева

Эволюция терминологии древнерусского брачного права: *вѣно*

В статье рассматриваются функционально-семантические и деривационные связи термина русского средневекового брачного права *вѣно* в собственно русских источниках и церковнославянских регуляторах права XI—XVII веков. Исторически семантическую структуру термина составляли три значения: ‘выкуп за невесту’, ‘приданое’ и фиксируемое в польских и литовско-русских правовых текстах ‘имущество, выделяемое мужем в обеспечение приданого жены’, между которыми выявлены энантиосемические связи как результат синкретичности древнейшей лексики купли и полисемические связи позднего происхождения. Эволюция термина состоит в его ранней архаизации в значении ‘выкуп за невесту’, в вытеснении его синонимами в значении ‘приданое’ и в дальнейшей регионализации в третьем значении.

Ключевые слова: язык древнерусского права, юридические тексты средневековой Руси, терминология брачного права, выкуп, приданое.

Анализ системных связей терминов древнерусского брачного права в диахронии позволяет не только установить соотношенность конкретного термина на понятийном, семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях с другими элементами терминосистемы, но и проследить эволюцию русского правосознания¹ от отражения им устоев обычного права к закреплению церковно-канонической нормы.

В современной лексикографии постоянным для словарного описания слова *вѣно* является его определение, во-первых, как историзма, отражающего исключительно реалии Древней Руси; во-вторых, как полисемичного, обозначающего ‘выкуп за невесту, уплачиваемый женихом’ и ‘приданое невесты’ [24; 20, с. 101]. Отметим редкое для общелекксических словарей указание на терминологический характер употребления устаревшего слова, в частности, в первом издании Большого академического словаря: «термин древнерусского брачного права, обозначавший выкуп за невесту, уплачиваемый женихом, а также приданое, даваемое за невестой» [19, стб. 160—161]. Такая интерпретация позволяет говорить не только о полисемичности, но и энантиосемичности термина, поскольку в его семантической структуре совмещаются противоположные значения, отражающие действия противоположных сторон процедуры заключения брака — жениха, передающего некую собственность родителям или близким невесты, и родителей или близких невесты, передающих за невестой некую собственность жениху.

Как возникают подобные системные отношения? Объясняются ли они изначально-ным синкретизмом лексемы или это результат ее исторического развития, приведшего к

¹ Подобный подход к рассмотрению русской юридической терминологии XI—XVII веков осуществляется в статьях: Киржаева В. П. Семантика одного юридического термина в контексте эволюции законодательства русского средневековья // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2013. № 6. Ч. 2. С. 84—88; Киржаева В. П. Термины наследственного права в договорах русских с греками и Русской Правде: к проблеме функционально-семантических и деривационных отношений // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 7—16; Киржаева В. П. Историческая терминология русского языка как предмет междисциплинарной разработки // Юридическая лексика русского языка XI—XVII веков : материалы к словарю-справочнику / отв. ред. В. П. Киржаева. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. Вып. 1. С. 6—14.

формированию контрастного значения [1; 3; 13; 28]? Остается ли постоянной указанная структура семантики на разных этапах употребления слова в средневековой терминосистеме права?

Историко-лингвистические словари по-разному характеризуют объем его значений.

Если на материале письменности XI—XIV веков лексикографы выделяют два значения: «1. Плата, выкуп за невесту; подарок жениха невесте; 2. Приданое (родителей невесте)» [15, т. 2, с. 294], — то круг значений, выявляемых по письменным источникам XI—XVII веков, существенно расширяется: «1. То, что заплачено за что-л.; 2. Выкуп за невесту; 3. Приданое; 4. Имущество, выделяемое мужем в обеспечение приданого жены» [17, вып. 2, с. 76] и «плата, что заплачено; плата, которая платилась за невесту, или приданое, которое давал жених невесте; приданое, то, что дает отец невесты жениху» [22, т. 1, стб. 487].

Отметим, что общелексическое значение слова ‘плата, что заплачено’ реализуется в глагольном деривате *вънѣти* ‘оценивать, делать предметом купли, продажи’ в Четвероевангелии 1144 года *Не два ли уо вѣрѣя на ссарии вѣнѣма еста*, но в Остромировом Евангелии здесь использован синоним *цѣнѣти* [17, вып. 2, с. 76]. Значение еще одного деривата — глагола *вънѣтисѧ*, употребленного в берестяной грамоте № 30 (1360—1380 гг.) *ѡ ѡкова · къ ѡвану что слешь ко мнѣ про серебро то вѣдаю аже ты дале серебро на собѣ · то вѣдаю а иногю не вѣдаю како ли ты вѣнѣлеса како ли что дале ѡси рубль на собѣ* [2], определяется по-разному: как однозначно общелексическое ‘оценивать себя’ или ‘вернуть долг (?)’ в лексикографических источниках [15, т. 2, с. 294; 17, вып. 2, с. 76] и как терминологическое в соответствии с прочтением А. А. Зализняка ‘платить вѣно; договариваться о вѣне’ [2].

Сам термин *въно* использован в ограниченном корпусе собственно древнерусских памятников XI—XIV веков, и наиболее ранние его фиксации — в Повести временных лет. В статье под 987 годом *по крѣпнѣи же приведе цѣрцю на браченѣ <...> Володимерь <...> вдасть же за вѣно Грекомъ Курсунъ оплатъ цѣрце дѣла* [10, стб. 111, 115], как следует из контекста, им обозначен выкуп князя Владимира за брак с византийской царевной Анной ее братьям византийским императорам-соправителям Василию II и Константину VIII: Владимир возвращает Византии ранее завоеванный им город Корсунь, куда прибыла в соответствии с предварительными договоренностями царевна и где принял крещение Владимир.

В летописной статье под 1043 годом *в си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира и вдасть Казимиръ за вѣно людѣи · ѣ · сотъ* [10, стб. 158—159] им обозначен выкуп польского князя Казимира I киевскому князю Ярославу за брак с его сестрой. В знак союзнических отношений Казимир выполняет условие Ярослава *ели отецъ твои Болеславъ побѣдилъ мене, и полонилъ людѣи моихъ за ся, то даи ми за вѣно* и возвращает 800 пленников, захваченных князем Болеславом еще в 1018 году¹.

В приписке в жалованной грамоте князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю около 1130 года *Се азъ мѣстиславъ володимиръ снѣ ... повелѣлъ есмь сноу своему всеволоду ѡдати боуицѣ съ даню и съ вирами и съ продажами и вѣно во(т)ское* [15, т. 2, с. 294], судя по одним источникам,

¹ Об обстоятельствах заключения этого брака см.: Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М. : Академический проект ; Жуковский : Кучково поле, 2001. С. 203—208; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М. : Языки русской культуры, 2001. 784 с. URL: <http://4i5.ru/uchebnik/unicus-filius-meusproishojdenie-svyatopolka-30769.htm>

реализуется не терминологическое, а общелексическое значение ‘плата, что заплачено’ [22, т. 1, стб. 487; 17, вып. 2, с. 76], другие источники приводят его в составе устойчивого сочетания *въно вотьское* без толкования вообще [15, т. 2, с. 294].

А. А. Гишпиус, уточняя чтение термина как *вено волочьское* (монастырю было передано земельное владение на Волоке Ламском), считает, что в грамоте *вено* использовано «в обычном для древнерусских текстов значении этого термина» [4, с. 114]. Реконструируя хронологию и суть событий, ученый связывает получение волости Юрьевым монастырем 10 июня 1233 года с внезапной смертью в Новгороде старшего сына Ярослава Всеволодовича Федора, что позволяет уточнить значение термина: «Княжич был погребен в Георгиевском соборе Юрьева монастыря <...>. Обстоятельством, придавшим этой смерти особый трагизм и глубоко поразившим современников, стало то, что сын Ярослава умер буквально накануне собственной свадьбы, когда, по свидетельству новгородского летописца, все было уже готово для брачного торжества: “И кто не пожалует сего: сватба пристроена, меды изварены, князи позвани; и бысть в веселия мѣста плачь и сѣтование за грѣхы наша” <...> Среди прочих необходимых атрибутов брака должно было быть приготовлено и вено как символический выкуп за невесту, дар для ее родителей. После внезапной кончины Федора Ярославича <...> это вено было более чем естественно передать Юрьеву монастырю, ставшему местом его погребения: свадебный дар таким образом обращался в заупокойный вклад» [4, с. 122—123]. Таким образом убедительно доказывается, что Мстиславова грамота демонстрирует терминологическое употребление слова *въно* «в обычном для древнерусских текстов значении» — ‘выкуп за невесту’.

О первичности именно этого значения на этапе обычного права свидетельствуют и данные юридической этнологии, в соответствии с которыми «факт покупки женихом невесты у ее родителей или ее семьи встречается на определенной стадии развития у всех народностей земного шара» и «первоначально невеста решительно ничего не приносит жениху. <...> Однако позднее невеста уже получает приданое» [11]. Проследив эволюцию форм заключения брака в языческой Руси, историки культуры, государства и права выстраивают ее от архаичного похищения невесты, изначально насильственного, позднее предварительно согласованного (*умыкание у воды*) к купле-продаже и договорному браку (*приведение*)¹, причем уже с похищением исследователи связывают появление платы выкупа-вена женихом-похитителем как демонстрации примирения с родом невесты: «Умычка, вено в смысле откупа за умычку, вено как продажа невесты, хождение за невестой, привод невесты с уплатой вена и потом с выдачей приданого — все эти сменявшие одна другую формы брака были последовательными моментами разрушения родовых связей, подготовлявшими взаимное сближение родов» [7, с. 68; см. также: 8; 30].

Об общеславянской древности значения ‘выкуп, плата за невесту’ свидетельствует и доминирование на всех этапах славянского свадебного обряда мотива купли-продажи в его символической трансформации: «Выкупаются невеста и символ девичества — коса невесты, лента (с.-рус. красота), венки (бел.); приданое; свадебное знамя (ю.-слав.); право на проезд свадебного поезда (дорогу перекрывают бревнами, камнями, веревкой, цепью, лентой, снопами, столом с чарками); возможность входа в дом; место возле невесты за столом (в.-слав.); каравай; постель (в.-, з.-слав.); право брачной ночи. Кроме того, молодой платит за угощение и дары после брачной ночи» [14, с. 475].

¹ См. в Повести временных лет в описании разных брачных обычаев полян и древлян: *полане бо своих ѡць вбычаи имуть · кротокъ и тихъ <...> брачныи вбычаи имяху не хожеше зать по невьсту но приводаху вечеръ а завѣтра приношаху по неи что вдадуче а древлане живяху звѣриньскимъ вбразомъ <...> и брака оу нихъ не бываше но оумыкиваху оу воды бѣца // Лаврентьевская летопись. (ПСРЛ. Т. 1). 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2001. Стб. 13.*

В силу этого вполне логично прочтение М. А. Исаевым брачно-правовых коллизий в летописных статьях под 987 годом — «русские славяне в языческую пору совершали браки путем покупки жены» — и под 1043 годом — «христианский князь еще продолжает держаться языческих обычаев и фактически покупает себе жену, поскольку в данном случае именно покупка жены — имущество отдается не будущей жене, а тестю» [6, с. 21].

Вторая группа памятников, фиксирующих этот термин, — библейские книги и церковные регуляторы права, получающие распространение с принятием христианства и переходом брачного права в юрисдикцию церкви. Так, в Книге Исход, в Рязанской Кормчей, в Пандектах Никона Черногорца термин использован в значении ‘выкуп невесты женихом’ *аще кто прельстит не обьщану и будетъ съ нею, **въномъ** да ю **въннть** себѣ женѣ аще възбраняя възбранитъ и не хоцетъ оѣцъ ея дати ему въ жену, цѣну дадять сребра оѣцу, яко же есть **въно** дѣвичьско; Аще прѣльститъ кто двцю необручену · и спитъ с нею · **въномъ** да **въннть** ю собѣ жену; Аще му(ж) приемъ **въно** въсхоце(т) еже по обычаю **въно** створити своеи обручнице хотѣщи за нь поити аще оубо даетъ еи именъе особно и потомъ прииметь ю от нея въ **въннѣ** и даръ свершенъ есть; аще обрученая отречеться брака **въры** ради прибытка · аще оубо проповѣсть вину жена яко и родители ея прилежатъ аще ли не разумѣша или по възятъи **въна** вина [възиде соугоубо] да о(т)дасться тому обручену [22, т. 1, стб. 487; 15, т. 2, с. 294]; в Книге Иисуса Навина, в Рязанской и Балашевской Кормчих — в значении ‘приданое невесты от ее родителей’ [възде фараонъ царь егупетскій и въз градъ и запали его огнемъ: и <...>] дастъ и Фараосъ въ **въно** дщери своеи; прилучаетъ двци имѣти **въно**; Аще убо лице вшедшее в манастиръ и мнишескии образ приимше еже убо муж да възвратитъ женѣ и **въно**, аще възятъ что от нея ино [22, т. 1, стб. 487; 15, т. 2, с. 294; 17, вып. 2, с. 76].*

Отметим в терминообразовательном гнезде *въно* глагольный дериват в терминосочетании *вънннти кого-либо въномъ* ‘взять в жены, заплатив вено’ [15, вып. 2, с. 294]. О. Н. Трубачев вообще считает, что адекватное представление о славянском слове *въно* дает только рассмотрение не изолированного его употребления, но в составе «древнейшей правовой конструкции — формуле» *въно дати* с терминологическим значением ‘дать приданое’ [25, с. 7, 8].

Еще одно, выявляемое исследователями в памятниках польского и литовско-русского права, терминологическое значение *вено* — ‘имущество, выделяемое мужем в обеспечение приданого жены’, например, в Московско-Польско-Литовском акте 1571 года *Тот городъ... въ **въно** данъ королевнѣ, а королевна тут и живетъ* [17, вып. 2, с. 76]. Указанная семантика поддерживается целым рядом дериватов. Таков глагольный дериват *въновати* в грамоте галицкого старосты Бенка 1398 года *иже пришедъ передъ насъ панъ Гервасъ и **въноваль** и оправиль своию женѣ Варварѣ сто гривень на своемъ селѣ* [15, т. 2, с. 294—295; 17, вып. 2, с. 76] со значением ‘передать жене в собственность денежную сумму или часть имущества; обеспечить имуществом приданое жены’; именны дериваты *w(t) **въновнаго** имѣнья, **вънное** жены* в Кормчих [15, т. 2, с. 295]. А. Е. Яновский приводит и дериват *веновая* в составе терминосочетания Литовского Статута *веновая запись*, закрепившегося в Черниговской и Полтавской губерниях и обозначающего «приданно-обеспечительную запись, выдаваемую женихом на такую часть своего недвижимого имущества, которая бы соответствовала принятому им приданому» [29].

В древнерусских светских правовых текстах термин *въно* и его дериваты не используются, но в статьях 93—94 Русской Правды о праве наследования *аже жена слдетъ по мужи, то на ню часть дати; а что на ню муж възложитъ, тому же юсть госпожа, а задница юи мужна не надобѣ; будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены, то возмутъ дѣти матери своея; любо **си** на женуо будетъ възложиль, обаче матери своеи возмутъ* [12,

т. 1, с. 114] конструкцию *что на женоу муж возложит* некоторые исследователи, например И. Н. Болтин, читают как ‘обеспечение имуществом приданого жены’: «что муж ей подарил, укрепил, в вено дал». М. Ф. Владимирский-Буданов предлагает иную трактовку — «приданое, принесенное женою и состоявшее в распоряжении мужа» [12, т. 2, с. 640—641, 643], с которой сближается семантика, вытекающая из прочтения А. А. Зимина. Определяя большинство статей о наследстве Пространной Правды восходящими «корнями своими ... к глубокой древности», он считает, во-первых, сопоставимыми «право жены на самостоятельное владение частью семейного имущества после смерти мужа», фиксируемое в статье 93, с обеспечением неприкосновенности «имущества жены в случае конфискации имущества ее супруга» в статье 4 договора Руси с Византией 911 года. Во-вторых, в статье 94 он усматривает наличие «в Древней Руси отдельной собственности супругов», в результате «дети первой жены имеют право на ее имущество (приданое)» [9, с. 181]. Если учесть, что общелексическое связанное значение глагола *възложити* в этом контексте — ‘предназначить, назначить что-л. кому-л.’ [15, т. 1, с. 78], то конструкция Русской Правды оказывается синонимичной с глагольными терминами *въновати* и, в зависимости от исследовательской трактовки, *вънвити*.

В значении ‘приданое’ в памятниках XV—XVII веков наблюдается широкий круг синонимов термина *въно*, образуемых от различных глагольных основ:

принести → *принось*, например, в правой грамоте 1532 года *Взяль есми у брата у свого... пол деревни въ Лялинъ курьи, приносу матери его, пахати* [22, т. 2, стб. 1438]; в вотчинной грамоте 1573 года *Яз Селиван женюс<ь>, а яз Улита иду за нег<о> замуж, и приносу у меня Улиты с собою идет живота платяног<о> и серебряной кузны на десят<ь> рублей* [17, вып. 19, с. 231];

взяти → *взятокъ*, приведенный В. И. Далем с пометой «старинное» [5, с. 197]. Другой словообразовательный вариант *взимокъ* закреплен в краткой редакции Судебника 1589 года в статье 35 *Хто дочь даст замуж, и та дочь помрет, а останитце дитя вотчичь, и ему взимка не просити; а не будет отроду, ино взимок взяти, что давал*, а в форме мн. числа *взимков не прошати, взимки взяти* — в аналогичной по содержанию статье 192 пространной редакции [23, с. 360, 407]. По комментарию А. И. Копанева, здесь идет речь «о возвращении приданого (взимков) родителям в случае, если дочь, выданная замуж, умрет бездетной. Если же от нее останутся дети, то родители теряют всякие права на приданое» [23, с. 544].

Наиболее продуктивно, как показывает анализ лексикографических источников, терминообразовательное гнездо глагола *придати*:

придатокъ — в позднем списке Моления Даниила Заточника *Поиме^м злообразну жену придатка дѣля или тестя дѣля богата* [23, вып. 19, с. 141];

приданство — в терминосочетании *по приданству* ‘по праву на получение приданого при вступлении в брак’ [там же, с. 231];

придание — в «Грамматике русской» Лудольфа 1696 года *Кається мнѣ, что свадьбу здѣлалъ, потому что мало въ придание еи дали* [там же, с. 140];

формы прилагательного *приданный* ‘полученный в качестве приданого, составляющий приданое’, которые фиксируются в текстах правового содержания, например: *А въ тѣхъ есми денгахъ заложишь у Некраса у Бронникова свою отчину приданую, что есми ее взял за своею женою за Домною, 1561 г.* [там же];

субстантивы *приданое* (*Что мое село Николское у озера нашии матери приданое, 1433 г.*), *приданая* (*Наслѣдуетъ мужь жены своя стяжения и приданая ея, 1404 г.*), *приданные* (*А въ приданные онъ Иванъ за дочерью своею даль московского своего половину дворового мѣста, 1684 г.*) [там же]. Существенным в истории вербализации правового

понятия ‘приданое родителей невесте’ является закрепление варианта *приданое* в Судебнике 1589 года¹ *А которой муж умрет, а у него з женой дети не останутца, и жене его приданое взяти* [23, с. 360] и в Соборном Уложении 1649 года *А женам тех умерших, которые останутся бездетны, дать им из животов их четверть да приданое* [21, с. 83].

На полную архаичность термина *въно* ко второй половине XVII века указывает необходимость приведения его актуального синонима, что обнаруживается в «Книге толкований и нравочений» (1677) протопопа Аввакума *Но во тлю, молю вы, попечение творимъ... о чести настоящего въка сего: како сына ризами украсить, како тцерь въномъ, сиречь приданымъ, доволно надълтитъ* [17, вып. 2, с. 76].

Интересно, что по источникам XVIII века лексикографы вновь выделяют те же два значения («1. Плата от жениха за невесту; 2. Приданое; дар» [18, с. 32]), из которых первое дано как историзм, а второе как сохраняющее актуальность. Однако и во втором значении слово уже не является общеупотребительным. Судя по иллюстрационному материалу, оно фиксируется в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана и высокой поэзии Г. Р. Державина; укажем и на его употребление в Житии трех святых дев, которое цитирует в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишков: *Отрицаемъ обьщанныхъ вами богатствъ, отрицаемъ славы, и всего, еже отъ земли есть и въ землю паки возвратится. Отрицаемъ тлгьнныхъ жениховъ, имуще нетлгьннаго, Его же любимъ, и Ему же въ въно нашу за Него смерть приносимъ, да безсмертнаго, въчнаго, чистаго и святаго чертога Его сподобимся* [27].

Если обратиться к диалектному употреблению слова *въно*, то к концу XIX — началу XX века оно отмечается в редких говорах в единственном значении ‘приданое’. При этом для диалектоносителей очевидна его архаичность, проявляющаяся в приведении синонима к нему в иллюстрационном материале — *Условясь о вене или приданом, назначается время свадьбы* [16, с. 114]. Архаизмом является и дериват *венница* ‘невеста с приданым’, сопровождаемый, кроме толкования, синонимом *приданница* [там же].

Таким образом, эволюция семантической структуры и употребления древнерусского термина брачного права *въно* может быть представлена следующим образом:

- три терминологических значения слова *въно*, отраженные в письменности XI—XVII веков и связанные с брачным правом, — ‘выкуп за невесту, уплачиваемый женихом ее родителям’, ‘приданое, даваемое за невестой жениху ее родителями’, ‘имущество, выделяемое мужем в обеспечение приданого жены’ — безусловно, сформировались на основе исходного общелексического значения ‘плата за что-либо, цена чего-либо’, которое представлено лишь в глагольном деривате *вънвити* ‘оценивать, делать предметом купли, продажи’;

- семантическая структура термина демонстрирует не только синонимические связи, которые характеризуют значения ‘приданое, даваемое за невестой жениху ее родителями’ и ‘имущество, выделяемое мужем в обеспечение приданого жены’, но и энантиосемические, которые характеризуют противоположные значения ‘выкуп за невесту, уплачиваемый женихом ее родителям’ и ‘приданое, даваемое за невестой жениху ее родителями’;

- энантиосемия имеет диахронический характер и связана с развитием языка и общества. Поскольку эволюция форм заключения брака в обычном праве идет от похищения невесты (*умычка*) к купле-продаже и договорному браку (*приведение*), то более ранним значением термина можно определить ‘выкуп за невесту’, а значение ‘приданое’ раз-

¹ По мнению М. А. Исаева, в Судебнике 1589 года под термином приданое «можно предполагать очевидное dos, тогда как в двух предыдущих (Судебниках 1497 и 1550 годов. — В. К.) смысл термина представляется еще довольно туманным: приданое как один из источников холопства» // Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. С. 84.

вивается позднее, с постепенным разрушением родовых отношений. Такое контрастное расхождение становится возможным в силу синкретичности древнейшей лексики купли (в том числе и славянского глагола **věnitī* ‘совершать выкуп’, ‘давать выкуп’ и восходящего к индоевропейской древности формульного сочетания **věno dati* ‘давать плату’¹), в которой, по мнению О. Н. Трубачева, воплотились «идеи древнего обмена в смысле **обоюдного одаривания** (выделено нами. — В. К.)» [26, с. 205];

- эволюция термина *въно* заключается в постепенной его архаизации уже в древнерусском языке, причем в исходном значении ‘выкуп за невесту’ термин раньше становится историзмом, а в значении ‘приданое’ вытесняется синонимами, дериватами различных глагольных основ, из которых с XVI века в правовых текстах закрепляется термин *приданое*, реликтом терминообразовательного гнезда *въно* является употребляемое к началу XX века в редких говорах имя *венница* ‘невеста с приданным’.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Юридическая лексика русского языка XI—XVII вв.: Опыт комплексного словаря-справочника»), проект № 13-04-00366.

Список использованных источников и литературы

1. Балалыкина Э. А. Словообразовательная энантиосемия в деривационной системе языка // Балалыкина Э. А. Мир языка и языки мира: Избранные труды по русскому языку и балто-славянским отношениям. Казань : Изд-во «Яз», 2012. С. 27—37.
2. Берестяные грамоты // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 1997. Т. 4: XII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=49>
3. Ганеев Б. Т. Первоначальная энантиосемия и диффузность в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 4. С. 9—14.
4. Гиппиус А. А. Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М. : Индрик, 2008. С. 109—129.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. М. : Гос. изд. иностр. и нац. слов., 1956. 700 с.
6. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. 119 с.
7. Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. М. : Политиздат, 1956. 427 с.
8. Омелянчук С. В. Брак и семья в Древней Руси IX—XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. 259 с.
9. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства: X—XII вв. М. : Гос. изд-во юр. лит., 1952. 288 с.
10. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Лаврентьевская летопись. (ПСРЛ. Т. 1). 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 1—86.
11. Пост А.-Г. Зачатки государственных и правовых отношений (Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права). М., 1901. URL: <https://books.google.ru/books?id=FJZrBgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq>
12. Правда Русская : в 2 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1940—1947.
13. Прошин А. В. Стилистическое значение и семантика языковой единицы (на материале английского языка). Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2010. 544 с.
14. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 1. М. : Международные отношения, 1995. 588 с.
15. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—... М. : Рус. яз., 1988—...
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л. : Наука, 1969. 357 с. [Электронный ресурс]. URL: http://iling.spb.ru/vocabela/srng/srng_04.pdf
17. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—... М. : Наука, 1975—...

¹ Обзор точек зрения на этимологию *въно* см.: Откупщиков Ю. В. Из истории праславянского словообразования (рус. звено, лоно, брашно, гумно, вено) // Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 35—47.

18. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. Л. : Наука, 1987. 296 с.
19. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 1394 с.
20. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 1991. 960 с.
21. Соборное уложение 1649 года. Л. : Наука, 1987. 448 с.
22. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. М. : Гос. изд. иностр. и нац. слов., 1958.
23. Судебники XV—XVI веков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 616 с.
24. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. М. : ОГИЗ, 1935—1940. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=4418>
25. Трубачев О. Н. Несколько древних латинско-славянских параллелей // Этимология. 1973. М. : Наука, 1975. С. 3—16.
26. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд. М. : Наука, 2003. 489 с.
27. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. II. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/shishkow_a_s/text_1803_rassuzhdenie_o_starom.shtml
28. Шмелев А. Д. «Незначущее» и «невыраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М. : Индрик, 2009. С. 173—201.
29. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб., 1890—1907. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vchi.net/brokgauz/>
30. Ярмонова Е. Н. Отдельные аспекты изменения порядка заключения брака в России с IX по XIX в. // Вопросы российского и международного права. 2013. № 1. С. 95—122.

Поступила в редакцию 25.08.2015 г.

Киржаева Вера Петровна, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, профессор Мордовский государственный университет
 Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68
 E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

UDC 811.161.1

V. P. Kirzhaeva

Evolution of the of the Old Russian marriage law terminology: *въно*

The article deals with the functional-semantic and derivational relations of the Old Russian marriage law term *въно* in the Russian sources and Church Slavonic law regulators of XI-XVII centuries. Historically the semantic structure of the term includes three different meanings: ‘the ransom for the bride’, ‘the dowry’ and ‘the part of the husband's property which is given to the wife to secure her dowry’. The analysis of the sources shows enantiose- mantic relations as a result of the archaic syncretism of the trade vocabulary and polysemantic relations of later origin. The evolution of the term results in the early archaizstion of its meaning ‘the ransom for the bride’ and in its displacement by other synonyms in the meaning of ‘the dowry’.

Key words: Old Russian law language, Medieval Russia legal texts, marriage law terminology, ransom, dowry.

Kirzhaeva Vera Petrovna, Doctor of Pedagogic Sciences, Candidate of Philological Sciences, Professor Mordovia State University
 Russian Federation, 400005, Saransk, ul. Bolshevistskaya, 68
 E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru